

канцелярия, изучив имеющиеся материалы, 1 сентября 1827 г. приняла решение вновь подтвердить итоги межевания. Башкирским поверенным было разрешено оспаривать право владения через суд [11, д. 2466, л. 37, 132, 134, 151, 154—155, 194—195, 248—249].

Аналогичное решение межевой канцелярии последовало 21 августа 1818 г. по прошению С. Ярославова — поверенного удельных крестьян деревни Кутькиной. Он указал на несправедливое отмежевание части их угодий в состав казенной земли. Ярославов при этом сослался на наличие арендной записи от 22 мая 1697 г., данной башкирами Дуванейской волости удельным крестьянам. Другим аргументом стали действия уездного землемера в 1786 г., в результате которых были уточнены границы отдельных владений. Однако Оренбургская межевая контора, а затем вышестоящие инстанции оставили границы дач без изменений [11, д. 2318, л. 1, 8, 10—11].

Таким образом, ряд спорных дел Генерального межевания по Бирскому уезду Оренбургской губернии показывает соблюдение чиновниками необходимых законов и инструкций. Следует отметить стремление к объективности у землемеров, которые пытались найти компромисс между спорящими сторонами без явного ущерба какой-либо из них. Тем не менее, на землемеров поступали жалобы, хотя не все из них подтверждались при проверке.

Необходимо упомянуть об отношении Оренбургской межевой конторы к башкирским землям. При их межевании учитывалось вотчинное право башкир. В случае представления старинных жалованных грамот чиновники закрепляли за ними территории отмежеванной дачи. Межевая контора признавала наличие на территории значительного количества крестьян-переселенцев и поэтому стремилась закрепить за ними угодья, которыми они пользовались. При этом власти придерживались нормы обеспечения, равной 15 дес. на душу мужского пола для всех категорий крестьянства. В случае ее превышения излишние земли обычно изымались в казну.

Список источников и литературы

1. Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина.
2. Башкирские шежере. Уфа, 1960.
3. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв.

5. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.

6. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4, ч. 2. Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50—70-х гг. XVIII в.

7. Рычков П. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1.

8. Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984.

9. Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в.: матер. науч. сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

10. Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1324, Оп. 1.

К. М. Ячменихин

Социально-экономический абрис Грузинской вотчины графа А. А. Аракчеева*

Рассмотрены особенности функционирования крестьянского и барского секторов вотчины. Проанализирована роль А. А. Аракчеева в создании рентабельного хозяйственного механизма в условиях господства крепостных отношений. Выделены характерные черты формирования взаимоотношений владельца вотчины с крестьянской общиной.

Ключевые слова: крестьяне, вотчина, община, крепостное право.

В частной жизни графа А. А. Аракчеева значительное место занимала деятельность, связанная с управлением значительной по масштабам Грузинской вотчиной, расположенной в Новгородской губернии. Следует отметить, что в историографии, посвященной

© Ячменихин К. М., 2015

* Статья подготовлена при поддержке госбюджетной темы Министерства образования и науки Украины «Российская империя в XIX — начале XX ст.: механизмы взаимодействия власти и общества (региональный аспект)» № 4-2012.

нашему герою, этот сюжет рассмотрен достаточно фрагментарно [1; 2; 3, с. 18—62], что делает необходимым более детально, на основании широкого круга источников, проанализировать специфику управления и функционирования его вотчинного хозяйства.

Буквально через несколько дней после восшествия на престол, 12 декабря 1796 г. Павел I отдал распоряжение Сенату:

Указом нашим от 4 декабря сего года Всемилостивейше пожаловали Мы нашему генерал-майору Алексею Андреевичу Аракчееву в вечное и потомственное владение две тысячи душ: каковое число назначаем к отдаче Новгородского наместничества той же округи экономического ведомства в селе Гру́зине и состоящих по близости к оному деревням того же ведомства, с принадлежащими к оным выставкам, землями и угодьями, повелевая изготовить на сие имение жалованную грамоту и представить нашему предписанию [4, ф. 154, оп. 1, д. 181, л. 5].

Имение досталось Алексею Андреевичу достаточно случайно. Дело в том, что подобные пожалования в связи с восшествием на престол Павла I были осуществлены в отношении нескольких лиц, в том числе петербургского генерал-губернатора Н. П. Архарова, причем с возможностью выбора. Через некоторое время император поинтересовался, какое имение выбрал А. А. Аракчеев, и когда тот ответил, что затрудняется с выбором, спросил: «А что выбрал Архаров?» Узнав, что последний выбрал Гру́зино, приказал передать его Аракчееву, заметив при этом, что Архаров плохое имение не захочет иметь [5, ф. Барскова, карт. 25, д. 10, л. 4]. Следует заметить, что с 1784 г. Н. П. Архаров занимал должность новгородского и тверского генерал-губернатора, а с 1790 г. — главного директора водных коммуникаций и поэтому имел возможность узнать обо всех преимуществах Гру́зинского имения.

Село Гру́зино с ближайшими деревнями с XIV столетия принадлежало новгородскому Воскресенскому собору Деревяницкого монастыря, только деревни Лятицы и Гудалово находились во владении Невского монастыря. В начале XVII в. в результате вторжения шведов Гру́зино серьезно пострадало. Тяжелыми последствиями для села обернулся сильнейший пожар в ноябре 1749 г. [6, с. 15, 24]. Конфискованное вместе с другими монастырскими владениями, в 1705 г. оно было подарено А. Д. Меншикову, которому и принадлежало вплоть до его опалы, после чего Гру́зино было возвращено Деревяницкому монастырю. В 1764 г. в результате секуляризации цер-

ковных владений, село перешло в государственное ведение, где и находилось вплоть до пожалования его А. А. Аракчееву. В. А. Томсинов ошибочно считает, что Гру́зинская вотчина была секуляризирована в 1731 г. [1, с. 75]. Государственные управители безответственно относились к своим обязанностям, что привело вотчину ко времени ее пожалования А. А. Аракчееву в плачевное состояние.

На момент перехода вотчины к новому владельцу она состояла из пяти сел: Гру́зино, Оскуя, Клинково, Черницы, Лятицы, а также 27 деревень. Вскоре последние три села перешли в разряд «деревень», поскольку в них были закрыты церкви. Общая площадь имения составляла 61 391 дес. (67,5 тыс. га), в частности под поселениями находилось 163 дес. (0,2%), пашнею — 2632 дес. (4,0%), сенокосами 2834 дес. (5,0%), лесами — 37 262 дес. (60,7%), неудобьями 18 495 дес. (30,1%) [4, ф. 154, оп. 1, д. 181, л. 33].

Села и деревни были расположены по правому берегу реки Волхов и на обоих берегах реки Оскуя. Через имение проходил большой Петербургский тракт, а также тракт Новгород-Тихвин. В регионе преобладали суглинистые почвы, требующие внесения значительного количества удобрений для получения урожая хотя бы на уровне сам-3. Местность богата заливными лугами, которые, как известно, дают значительные укусы сена. Леса были как строительные, так и дровяные. В них водились многочисленные олени, дикие козы, рыси, медведи, волки, лисицы, разнообразные птицы. Реки и озера были богаты осетрами, судаками, лещами, сомами и прочей рыбой.

Кроме Гру́зинского имения А. А. Аракчеев владел также и наследственной недвижимостью. После смерти в 1796 г. отца — Андрея Андреевича братья Аракчеевы унаследовали сельцо Гарусово и деревни в Тверской губернии, которыми владели сообща. Алексей Андреевич вывез оттуда только несколько душ дворовых людей. В 1805 г. его брат Петр Андреевич пожелал разделить недвижимость, на что Алексей Андреевич немедленно согласился при условии, что «... за оставлением их [крестьян] в моем владении, прочее, что на мою часть из родительского имения выделено будет, предоставляю вам [Петру Андреевичу] принять к себе во владение» [4, ф. 154, оп. 1, д. 181, л. 56].

Аракчеев, занимая высокие государственные посты и ощущая дефицит свободного времени для непосредственного управления таким значительным поместьем, начал свои действия в качестве его владельца с создания вотчинной администрации. Во-первых, была сформирована вотчинная канцелярия, осуществившая подробное

описание движимой и недвижимой собственности, как крестьян, так и самого помещика. Сторонник четкой регламентации через ведение подробной документации, Аракчеев потребовал тщательного учета всех сторон жизни имения: рождения и смертности, посевов и сборов хлебов и оброка, прибыли и убыли скота, прихода и расхода денег. Были введены умолотные и ужинные книги, ведомости о выполнении барщинных работ, «штрафные журналы», в которых фиксировались провинности крестьян и наложенные наказания. Вотчинная канцелярия вела обширную переписку, готовила подробную отчетность по всем вопросам хозяйственной жизни крестьян. Отдельные отчеты составляли дворецкий, архитектор и доктор, а позднее садовник и капельмейстер. Все эти отчеты тщательно изучались А. А. Аракчеевым, затем визировались и направлялись в вотчинную канцелярию, которая была обязана быстро и тщательно выполнять его распоряжения. Именно потому, что сохранилась значительная часть этой обширной и разнообразной документации, представляется возможным достаточно подробно реконструировать хозяйственную и бытовую жизнь Грузинского имения.

Принимая непосредственное участие в управлении имением, А. А. Аракчеев разработал ряд инструкций и правил по ведению хозяйства и повседневной жизни, за что современники и историки часто обвиняют графа в жесткой регламентации жизни крестьян. Подробный анализ всех этих инструкций позволяет утверждать, что среди них нет ни одной, которая не имела бы практического назначения и полезности или ухудшала хозяйственное и бытовое положение крестьян.

Современные исследования доказывают, что сознание крестьянства начала XIX столетия продолжало характеризоваться сильными патерналистскими настроениями, обусловленными опекой со стороны помещика. В то же время в трудах историков приведены многочисленные факты того, что многие полезные распоряжения и рекомендации помещиков исполнялись крестьянами только вследствие сильного давления, вызывавшего в отдельных случаях протест земледельцев. Так называемые картофельные бунты, охватившие по всей России свыше 500 тыс. крестьян, были вызваны прежде всего насильственными мерами по внедрению картофеля как полевой культуры.

Хорошо отлаженный механизм вотчинной канцелярии позволил А. А. Аракчееву в течение нескольких лет поправить дела в имении.

Возглавлял администрацию вотчинный голова, который избирался волостным сходом и утверждался владельцем имения. Он отчитывался перед Аракчеевым о состоянии дел в вотчине, а также докладывал о проблемах, возникавших по тем или иным причинам. Ему подчинялись сельские старшины и дворецкий, управлявший усадебным хозяйством. Сельские старшины избирались на сельском сходе и утверждались владельцем. Должность вотчинного головы занимал, как правило, зажиточный и грамотный крестьянин. Заработная плата руководителя канцелярии составляла 100—120 руб. в год. Кроме того, в случае успешного управления имением он получал дополнительное вознаграждение деньгами и ценными подарками. Ротация волостных голов в Грузинской вотчине была незначительной — за 40 лет владения А. А. Аракчеевым имением на этой должности сменилось только три человека. Старшины, занятые ведением собственного хозяйства, сменялись гораздо чаще.

Анализ документов свидетельствует, что со временем А. А. Аракчеев смог создать в имении образцовое предпринимательское хозяйство, ориентированное на рынок, чему в значительной степени способствовали развитая сеть транспортных коммуникаций, близость крупного потребителя сельскохозяйственной продукции — Санкт-Петербурга и большого торгового центра — Новгорода, близость удобного водного пути — реки Волхов. При этом акцент делался вовсе не на зерновое производство, которое вследствие недостатка пашни и низкой урожайности обеспечивало только внутренние потребности, а на животноводство как наиболее прибыльную отрасль сельскохозяйственного производства для этого региона, а также на сбыт сена и дров, которые были востребованы на рынках больших городов. Владение немалым количеством заливных лугов и лесных расчисток, дававших стабильные укусы сена, способствовало развитию именно этой отрасли сельскохозяйственного производства.

Состав грузинской библиотеки свидетельствует о том, что граф был знаком с новинками в области сельского хозяйства. Особенное внимание Аракчеев уделял изданиям Вольного экономического общества, публиковавшего статьи о новациях в экономике. Родившийся и выросший в сельской местности, владевший некоторыми практическими навыками и регулярно пополнявший свой теоретический багаж, А. А. Аракчеев сумел быстро усвоить приемы правильного использования различных угодий для успешного ведения хозяйства.

Традиционные методы ведения зернового производства позволяли рассчитывать на среднюю урожайность в регионе на уровне сам-2,5 яровых и сам-3,5 озимых. В годы высоких урожаев эти показатели не превышали, соответственно, сам-4,5 и сам-5,5 [7, с. 142; 8, с. 144]. Поэтому граф настойчиво требовал, чтобы в каждом хозяйстве на «душевой» надел пахотной земли было не меньше двух коров. Крупный рогатый скот обеспечивал минимум органических удобрений, необходимых для внесения в грунт. По нашим подсчетам в имении в разные годы насчитывалось около 5 тыс. голов крупного рогатого скота, то есть на каждое хозяйство приходилось в среднем по 6—7 голов [4, ф. 154, оп. 1, д. 613, л. 1—10].

Динамика численности поголовья рабочего скота менялась в зависимости от многих причин: наличия кормов, распространения эпизоотий, интенсивности его использования и т. п. Наибольшая численность поголовья лошадей в вотчине зафиксирована в 1820—1821 гг., а потом она неуклонно снижается с 1608 до 1263 голов в 1831 г. Большой падеж лошадей случился в 1821—1822 гг., когда на всей европейской территории России отмечались случаи эпизоотий. Материалы вотчинного архива свидетельствуют, что не всегда крестьянский бюджет позволял быстро восстанавливать поголовье скота. Так, например, в 1821 г. падеж составил 136 лошадей и 275 коров, закуплено же было только 102 лошади и 10 коров [4, ф. 154, оп. 1, д. 613, л. 8].

К сожалению, подворные переписи не сохранились, поэтому приходится оперировать среднестатистическими показателями, а это затрудняет реконструкцию картины имущественного расслоения крестьян вотчины. По нашим подсчетам, среднее количество рабочего скота в крестьянских хозяйствах составляло около двух лошадей. Понятно, что были хозяйства с большим их количеством, но имелись дворы и безлошадные. Документы финансового характера свидетельствуют о том, что крестьяне нередко брали деньги в долг у графа, а позднее и в Заемном крестьянском банке на покупку хотя бы одной лошади на хозяйство.

Рассмотрим основные статьи дохода как крестьянских хозяйств, так и самого вотчинника. Приоритет здесь принадлежал торговле сеном. Если пашенные земли целиком находились в пользовании крестьян, то луга были разделены между земледельцами и помещиком. При этом большая часть заливных, то есть лучших, лугов находилась в руках Аракчеева. Крестьяне пользовались преимущественно

по полевыми лугами и лесными расчистками. Граф внимательно следил за состоянием как собственных, так и крестьянских лугов, и заставлял через определенное время их окультуривать. Согласно источникам, крестьяне ощущали недостаток таких угодий и поэтому вынуждены были арендовать сенокосы у ямщиков и крестьян соседних вотчин, а также делать расчистки в лесах и на неудобьях.

Побочные промыслы крестьян — рыбная ловля, охота, бортничество — были развиты слабо. Лен в отличие от Старорусского уезда выращивался в небольших объемах и только для собственных нужд. Крестьяне, владевшие теми или иными ремеслами, занимались отходничеством, о чем свидетельствует значительное количество отпусковых билетов, выдаваемых вотчинной администрацией [4, ф. 154, оп. 1, д. 350, л. 15, 27, 36, 71]. Именно торговля сеном, дровами, продукцией животноводства, а также отходничество позволяли крестьянам платить значительный оброк в установленные сроки. Хотя А. А. Аракчеев был человеком консервативных взглядов, но как помещик он быстро понял, что отработочная система в условиях Грузинской вотчины будет малоэффективной, поэтому его крестьяне исполняли небольшую по объему барщину: во время сенокоса, «штрафные» работы в усадьбе и т. п. Все крестьянские хозяйства платили землевладельцу только денежный оброк.

Материалы вотчинного архива содержат информацию о постепенном росте оброчных платежей и их стабилизации после окончания Отечественной войны 1812 г. и завершения заграничных походов русской армии. Есть исследователи, связывающие увеличение оброчных платежей только с ростом эксплуатации крестьян. Так, например, Н. И. Яковкина в доказательство этого тезиса привела следующие данные по аракчеевской вотчине: если в 1797 г. оброк составлял 4 руб. 75 коп. с души, то в 1818 г. — уже 18 руб. с души [9, с. 47]. Скорее всего, она при этом не учла темпы инфляции, которая в первой четверти XIX в. и до реформы Е. Ф. Канкрин составляла 15—17% в год. При этом необходимо также учесть, что А. А. Аракчеев платил все государственные подати (подушную подать, рекрутские и земские сборы) исключительно из крестьянских оброчных платежей и никаких дополнительных сборов с земледельцев в свою пользу не требовал. Такие сборы производились только по решению мирских сходов и использовались на общие цели: строительство новых домов для погорельцев, обустройство дорог, мостов, общественных помещений и т. п. Они составляли в среднем от 3 до 3,5 руб. с души в год.

Недоимок по оброчным платежам в аракчеевской вотчине не существовало. Отдельным крестьянам-неплательщикам, если на то имелись веские основания, граф прощал долг, долги других хозяйств погашались по решению сельских сходов из мирских фондов. Согласно подсчетам, бюджет графа в среднем недосчитывал 1—1,5 тыс. руб. ежегодно. «Я не беру большого оброка, — говорил Аракчеев, — леса и луга — вот моя прибыль; но я недавно выдумал новый — мои крестьяне имеют большое скотоводство» [2, с. 80]. Сумма оброчных платежей крестьян Грузинской вотчины не превышала средних показателей по стране [10, с. 161; 11, с. 324]. По нашим подсчетам, оброчные платежи составляли 20—25% доходной части бюджета А. А. Аракчеева.

С целью стимулирования хозяйственной и предпринимательской деятельности крестьян в июне 1821 г. в имении был учрежден Заемный крестьянский банк, для которого А. А. Аракчеев безвозмездно выделил 10 тыс. руб. При содействии известного экономиста и государственного деятеля Н. С. Мордвинова было составлено «Положение о Заемном банке для крестьян Грузинской вотчины» [4, ф. 154, оп. 1, д. 457, л. 5—7]. Банк выдавал кредиты на строительство домов (до 150 руб.), покупку скота (коровы — до 60 руб., лошади — до 100 руб.) под 5% годовых, а некоторые крестьяне получали и беспроцентные ссуды. Банк также принимал вклады под 5% годовых. На торговые операции беспроцентные ссуды не выдавались.

Следует отметить, что крестьяне вотчины достаточно активно пользовались услугами банка, и это в значительной степени стимулировало их хозяйственную активность. Банк продолжал существовать и после смерти графа, его капитал в 1870-е гг. составлял 30 тыс. руб. [12, с. 388].

Крестьяне Грузинской вотчины выполняли значительные объемы общественных (земских) работ: предоставляли подводы для перевозки войск и транспортировки государственных грузов, строили и ремонтировали дороги, мосты и другие инженерные сооружения. Для нужд вотчины было основано девять кирпичных заводов, мельница, лесопильня и т. п. На кирпичных заводах работали или наемные рабочие (прежде всего мастера), или крепостные крестьяне за плату. Отработки в виде «штрафных» санкций в отношении крепостных крестьян использовались Аракчеевым достаточно редко. Однако в мемуарной литературе, особенно времен Александра II, многочисленные факты такого рода работ крестьян тракуются как

постоянная практика. Нередко А. А. Аракчеев заключал договоры по выполнению его крестьянами разных казенных подрядов за пределами имения. Часть заработанных денег перечислялась на пополнение капитала Заемного крестьянского банка и на погашение недоимок, а остальные деньги выдавались крестьянам на руки. Так, например, после постройки силами крестьян вотчины государственного шоссе (25 верст), заработанные деньги — 86 589 руб., Аракчеев попросил перечислить в Государственную комиссию погашения долгов с тем, чтобы проценты от этой суммы шли на выплату государственных податей крестьян вотчины. Поступок этот он объяснял тем, что «... не мыслит о собственном обогащении, но более всего заботится о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению» [13, с. 31].

О том, что Грузинская вотчина на фоне других помещичьих имений развивалась достаточно динамично и давала стабильно высокую прибыль, говорит статистика. Через двадцать лет после вступления Аракчеева во владение вотчиной в 1818 г. в имении проживало 2368 ревизских душ, оброк платился с 2229,5 душевных наделов, не выплачивался с 89 душевных наделов, насчитывалось около 650 хозяйств, 900—1000 душ рабочей силы, 20—30 семей торгующих крестьян, до 70 мастеровых. В крестьянских хозяйствах числилось 1500 лошадей, до 5000 коров и 2700 овец [13, с. 27—28].

Большое внимание Аракчеев уделял религиозно-моральному климату в вотчине. Исполняя требования графа, вотчинная администрация жестко следила за тем, чтобы крестьяне регулярно исповедовались и причащались, выполняли основные религиозные обряды, знали молитвы. Источники фиксируют случаи, когда граф запрещал жениться тем, кто не знал молитв. В публицистике, а также в некоторых научных работах бытует мнение, что А. А. Аракчеев не разрешал крестьянам собираться даже на посиделки, которые были основной формой отдыха и общения крестьянской молодежи. Это не совсем так. Материалы вотчинной канцелярии свидетельствуют, что посиделки в вотчине были обыкновением делом, но на них должен был присутствовать или сельский староста, или кто-то из «почетных» жителей села или деревни с целью предупреждения каких-либо стычек, особенно с посторонними. Активно боролся Аракчеев с «зеленым змием». По его распоряжению были закрыты все кабаки на территории вотчины, и запрещена покупка спиртного за ее пределами. В 1820 г. было написано специальное «Положение», согласно

которому «...вино любому крестьянину отпускалось в зависимости от количества у него коров, из расчета на каждую к праздникам по одной четверти штофа¹, а к свадьбам по полуштофу» [4, ф. 154, оп. 1, д. 457, л. 46]. В случае невыполнения распоряжений графа карательные меры могли распространиться на всю деревню. Так, в приказе вотчинному голове от 3 декабря 1816 г. предписывалось, что «... по случившейся в деревне Мелехове о празднике драке, запрещаю оной деревне впредь к обоим праздникам как пиво варить, так и вино покупать, — впредь, пока она деревня загладит оный поступок» [4, ф. 154, оп. 1, д. 457, л. 50].

В селе Гру́зине был устроен госпиталь со стационарным отделением, услугами которого бесплатно пользовались все крестьяне вотчины. Оплата лекаря и лекарского ученика, покупка медикаментов и оборудования, обеспечение госпиталя продовольствием, бельем и другими вещами производились за счет графа. В отдельные годы эти расходы составляли от 2,5 до 3 тыс. руб. [4, ф. 154, оп. 1, д. 334, л. 108—110]. Кроме лечения в стационаре доктор был обязан выезжать на вызовы к больным даже в отдаленные деревни, а также совершать регулярные объезды крестьянских хозяйств с целью оспопрививания. Такие чрезмерные нагрузки привели к тому, что лекари в Гру́зине не выдерживали больше 2—3 лет, невзирая на высокое жалование — до 1,5 тыс. руб. в год (для сравнения жалование армейского полковника в это время составляло 1,6 тыс. руб.).

Доктор и вотчинная администрация должны были следить за соблюдением санитарных норм в крестьянских избах и на улицах сел и деревень. Большинство крестьянских домов были построены по специально разработанным планам, имели стандартные застекленные окна с форточками, что позволяло регулярно проветривать помещение. Родителей заставляли следить за тем, чтобы дети не употребляли в пищу невымытые овощи и фрукты. Особым распоряжением графа крестьянок обязали рожать в госпитале, либо дома, но обязательно в присутствии доктора. Аракчеев собственноручно написал «Краткие правила для матерей-крестьянок Гру́зинской вотчины», где в доступной форме изложил требования гигиены, ухода за ребенком, его кормления и воспитания.

Что касается распространения грамотности в крестьянской среде, то Аракчеев полагал это излишним. В 1816 г. он приказал обу-

¹ Штоф — единица объема жидкости, равная 1,2 л, применялась в России для измерения спиртных напитков.

чить нескольких крестьянских мальчиков грамоте для того, чтобы иметь под рукой по селам писарей для ведения необходимой документации. В 1820 г. в вотчине насчитывалось не более 20 грамотных крестьян, умеющих читать и писать. В. А. Федоров полагал, что в вотчине были организованы школы для крестьянских детей, что противоречит приведенным фактам [2, с. 87].

Социальная и моральная опека А. А. Аракчеева имели кроме всего прочего и прагматическое содержание. Прирост населения вотчины, его материальная стабильность напрямую были связаны с динамикой доходности имения. Граф прекрасно это понимал и по мере сил стремился влиять на демографические процессы на уровне вотчины. Однако смертность в крестьянской среде продолжала оставаться на высоком уровне, главным образом, за счет детской смертности. Население вотчины с 4098 человек в 1796 г. возросло до 4950 человек в 1834 г. (год смерти А. А. Аракчеева), следовательно, за год оно увеличивалось в среднем на 0,4—0,5%. По данным седьмой ревизии 1816 г., в Гру́зинской вотчине насчитывалось 30 населенных пунктов, 568 хозяйств, 4746 жителей. Самым большим населенным пунктом было не село Гру́зино — административный центр вотчины, а село Оскуя, в котором проживало 320 жителей [4, ф. 154, оп. 1, д. 390, л. 2—18].

По нашим подсчетам, в 1810 г. в имении родилось 195 человек, умерло 95, в 1811 г. — соответственно 166 и 105, в 1812 г. — 188 и 195, в 1813 г. — 114 и 147, 1817 г. — 176 и 100 [4, ф. 151, оп. 1, д. 99, л. 109—110; д. 118, л. 75]. Эти данные свидетельствуют о том, что высокий уровень смертности и спад рождаемости приходились на наиболее напряженные для страны годы. Кроме естественной убыли населения необходимо учитывать рекрутские наборы, а также побег. За весь «аракчеевский» период ревизские списки зафиксировали пять побегов, цифра весьма незначительная для почти пятидесятичного населения. Аракчеев никогда не продавал своих крепостных. Покупал же только дворовых людей. За период с 1800 по 1825 год он купил 11 человек, заплатив за них 7730 руб. [4, ф. 154, оп. 1, д. 215, л. 72]. Случаи освобождения крестьян и дворовых были единичными [4, ф. 154, оп. 1, д. 326, л. 1].

Особенной гордостью графа была регулярная застройка сел и деревень вотчины. Его вотчинный архитектор А. И. Минут (некоторые авторы ошибочно считают его крепостным; в действительности

он числился по Артиллерийскому департаменту, имел чин надворного советника, но жалование получал у А. А. Аракчеева) разработал проект крестьянского дома с надворными строениями, планировка которых коренным образом отличалась от традиционной застройки населенных пунктов. В. А. Томсинов ошибочно полагает, что дома нового образца не имели надворных строений [1, с. 77]. Однако среди документации вотчинной канцелярии сохранилось значительное количество планов и рисунков строений, игравших вспомогательную роль в крестьянском хозяйстве [4, ф. 154, оп. 1, д. 202, л. 4]. Трудно также согласиться с таким выводом еще и потому, что Аракчеев хорошо осведомленный о характере и структуре крестьянского хозяйства, вряд ли мог пойти на то, чтобы оставить крестьян без хозяйственных построек. Дома, выстроенные по проекту А. И. Минута, отличались удобством и комфортом в сравнении с традиционной крестьянской избой. В некоторых селах и деревнях дома перестраивались, а в отдельных возводились заново. Так, например, в 1805 г. после большого пожара было практически заново отстроено село Оскуя. Строительство велось планомерно и без спеха. Материалы заготавливались вотчинной администрацией централизованно по оптовым ценам [5, ф. 29, д. 10, л. 124—125]. Часть строительных материалов — кирпичи, доски — изготавливались в вотчине.

Крестьянские дома имели весьма пристойный вид и были похожи на городские постройки того времени: имели каменный фундамент (цокольное помещение имело хозяйственное назначение); обшивались тесом, покрывались железом или тесом и несколько раз красились. Дома возводились на определенном расстоянии один от другого с учетом противопожарных мер. Необходимо отметить, что этому вопросу в вотчине уделялось особое внимание: пользоваться лучинами запрещалось, освещение помещений производилось масляными фонарями. В распоряжении сельских общин имелся противопожарный инвентарь, пользоваться которым постоянно учили специально назначенных крестьян.

Строительство новых домов осуществлялось на паритетных началах: за счет крестьян, мирских денег и средств самого А. А. Аракчеева в равных пропорциях. Если учесть, что стоимость дома была равной: в селах 2500 руб., а в деревнях — 1500 руб. [5, ф. 29, д. 10, л. 171], то доля крестьян составляла значительную сумму.

Н. Г. Богословский, пребывая под сильным влиянием либеральных идей времен Александра II, настаивал на том, что А. А. Аракчеев перестраивал села «... без всякого понимания относительно хозяйства крестьян, только для вида, чтобы все было симметрично и гладко» [14, с. 37]. Современники и некоторые историки придерживались такого же мнения. Однако если следовать элементарной логике, возникает вопрос: почему при таком давлении на крестьянское хозяйство вотчины, при таком развитии только «фасадной стороны», оно развивалось достаточно стабильно? В. А. Томсинов достаточно аргументированно опровергает подобные утверждения [1, с. 164]. Со своей стороны, мы можем только усилить его тезис. В фондах ОПИ ГИМ был найден интересный документ [15, ф. 17, оп. 2, д. 143, л. 1—18]. Это записки неизвестного автора (попытка их атрибуции пока не дали результатов), посетившего Грузинскую вотчину в марте 1817 г. без ведома ее владельца. Текст записки свидетельствует, что лицо, ее написавшее, не было зависимым от всесильного хозяина и потому его суждения об увиденном были достаточно самостоятельными и не преследовали цель каким-то образом угодить Аракчееву. Необходимо также учесть, что записка явно не предназначалась для публикации.

В первую очередь автор отметил рациональность застройки и отличное состояние дорог, что, как известно, было крайне редким явлением для России того времени. В то же время он отметил безвкусицу в убранстве собора Андрея Первозванного. Хорошее впечатление произвел на автора быт грузинских крестьян, их отношение к своему владельцу. Еще одно независимое суждение об имени графа принадлежит дирижеру Антону Дерфельду, который по просьбе А. А. Аракчеева в марте 1814 г. прослушивал музыкантов его оркестра:

... Хотя я и много земель объехал, — писал Дерфельд, — я еще ни разу не видел такого великолепного княжества, такого роскошного боярского дворца и крепкого учреждения, одним словом сказать, село Грузино и его местность и здания можно назвать земным раем [4, ф. 154, оп. 1, д. 142, л. 117].

Как известно Александр I посетил Грузинское имение 11 раз: впервые — летом 1810 г. после скандальной отставки А. А. Аракчеева с поста военного министра, а в последний раз — летом 1825 г. перед поездкой на юг страны. Причем император гостил по несколь-

ку дней в имении, где для него всегда был готов кабинет. Александр I заходил в крестьянские дома, беседовал с хозяевами, дарил дорогие подарки. Можно предположить, что именно быт крестьян Грузинской вотчины, увиденный им летом 1810 г., послужил толчком к практической реализации замысла военных поселений. Во-первых, в сентябре 1810 г. последовал приказ на имя начальника 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. Л. Лаврова о подготовке и развертывании военных поселений в Могилевской губернии [4, ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 320—338], во-вторых, именно А. И. Минут проектировал дома-связи для военных поселян, которые во многом походили на крестьянские дома в Грузинском имении.

Построив новые жилища для крестьян, проложив хорошие дороги между селами и деревнями, А. А. Аракчеев требовал содержать их в чистоте и порядке, что для крестьянского быта России того времени было требованием весьма экзотическим. Доказательством этого может служить его приказ голове Грузинской вотчины (октябрь 1816 г.):

Как я строго взыскиваю с тебя и со старшин за чистоту по улицам в деревнях, и вы верно думаете, что сие происходит единственно по одному моему желанию, то я посылаю тебе печатный государев указ, из коего ты увидишь, что чистота улиц требуется и от Государя императора. Посему, объявляя оное всем старшинам, предписываю тебе еще прилежнее за оным в деревнях смотреть и взыскивать со старшин, а я буду отныне еще строже взыскивать с тебя и со старшин [4, ф. 154, оп. 1, д. 279, л. 178].

Необходимо заметить, что императорский указ касался только городов, про сельские поселения в нем не было сказано ни слова, поскольку он прекрасно понимал невозможность выполнения там подобных требований. Но для А. А. Аракчеева не было невыполнимых задач. Известно, что именно пристрастие к чистоте и порядку, жесткий педантизм и тщательность в мелочах вызывали у многих современников неприянь, что затем перекочевало в публицистику и исследовательские работы. Справедливости ради отметим, что иногда А. А. Аракчеев в этих вопросах не ощущал меры. Так, например, граф запретил крестьянам села Грузино и прилегающих деревень держать свиней, поскольку эти «животные роют землю и поэтому создают беспорядок» [12, с. 379].

Материальный уровень жизни самого владельца имения, его возможности и обоснованность претензий на высокий социальный статус на бытовом уровне, хорошо иллюстрирует его собственный бюджет. По нашим подсчетам, приход и расход по имению, за исключением нескольких лет, имели хотя и небольшое, но позитивное сальдо. Источниками приходной части бюджета являлись оброчные сборы (35—40 тыс. руб.), суммы, полученные от коммерческой деятельности (продажа сена, дров, продукции животноводства) — 30—35 тыс. руб.; жалование, столовые деньги, орденские выплаты — до 20 тыс. руб.; арендные статьи (содержание почтовых станций, рыбных ловель, перевозов на реке Волхов и т. п.) — до 15—20 тыс. рублей. Таким образом, в среднем приход составлял 130—140 тыс. руб. в год. При этом заметны значительные колебания суммы прихода, которая зависела от многих причин: начиная от состояния дел в стране и заканчивая погодными условиями. Определенная стабильность заметна после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русских войск. Именно в это время прибыльность имения в отдельные годы достигала 170—180 тыс. руб. После отставки в 1826 г. доходы А. А. Аракчеева постепенно снижались, главным образом, из-за свертывания коммерческой деятельности. Жалование по должности инспектора всей артиллерии и пехоты ему выплачивалось до 1833 г., то есть года его официального увольнения [5, ф. 859, картон 31, д. 14, л. 1—2].

Главными статьями расходной части бюджета были: строительство и содержание собора Андрея Первозванного — 9—10 тыс. руб., строительство, ремонт и оформление интерьеров дворцово-паркового ансамбля, а также казенного дома в Санкт-Петербурге — 35—40 тыс. руб.; жалование наемным рабочим и дворовым людям — до 30 тыс. руб.; расходы на собственное содержание, помощь родственникам, раздачи денег солдатам и крестьянам — 10—15 тыс. руб.; расходы на содержание воспитанников — А. Л. Корсакова и М. А. Шумского — 5 тыс. руб. Значительные расходы бюджета и приводили к скромному положительному сальдо.

Даже поверхностный анализ расходной части бюджета убедительно свидетельствует о том, что графа Аракчеева трудно обвинить в скарденности и жадности, как это принято в публицистике и дореволюционной историографии. Эта оценка затем благополучно перекочевала в советскую историографию, «убедительно» клеймившую

царского сатрапа. По нашему мнению, подобные выводы сложились преимущественно под влиянием мемуарной литературы. Авторы мемуаров обвиняли Аракчеева в жадности на основании данных о скромных затратах графа на себя. Он просто одевался, не употреблял деликатесов и заморских вин, пользовался скромным выездом. Безусловно, его можно считать экономным и прагматичным человеком, который не любил бездумно тратить деньги, но при этом его трудно обвинить в жадности. Аракчеев достаточно сдержанно относился к собственным потребностям. Даже в молодые годы, занимая достаточно высокие посты во время правления императора Павла I, он вел скромный образ жизни, о чем свидетельствуют его письма брату Андрею 1790-х гг. [16]. С годами его финансовые возможности увеличились, и он мог позволить себе проигрывать значительные суммы за игрой в карты, подарить несколько тысяч рублей родственникам и близким друзьям, устроить собственную пышную свадьбу с богатыми подарками невесте и т. п. [4, ф. 154, оп. 1, д. 285, л. 78—79]. Он постоянно помогал матери Елизавете Андреевне, проживавшей в собственном родовом имении в селе Курганы Тверской губернии. Постоянными материальными дотациями со стороны старшего брата пользовался также и Петр Андреевич, хотя и имел генеральский чин, но был плохим хозяином в своем имении и имел значительные долги. Меньше Алексей Андреевич помогал среднему брату Андрею, с которым после их увольнения со службы (по вине последнего) в 1799 г. были достаточно сложные отношения.

Значительные средства граф тратил на воспитание и содержание сына своей фаворитки Настасьи Минкиной — Михаила Андреевича Шумского. Этот сюжет в некоторой степени зафиксирован в историографии [17]. Нам удалось выяснить, что начиная с 1802 г. на содержании у него был еще один воспитанник — Александр Львович Корсаков, который после пребывания в частном пансионе обучался в Пажеском корпусе и в декабре 1812 г. был выпущен с чином прапорщика [4, ф. 154, оп. 1, д. 395, л. 4]. Пока не выяснено, при каких обстоятельствах он стал воспитанником графа, но можно с уверенностью утверждать, что А. Л. Корсаков имел какое-то отношение к роду Корсаковых — соседей родителей Аракчеева и к его сослуживцу времен Павла I по гвардейскому артиллерийскому батальону. Последние сведения о А. Л. Корсакове относятся к 1819 г., когда в чине поручика он был на бал-маскараде у А. А. Аракчеева [4, ф. 154, оп. 1, д. 453, л. 167].

До открытия Заемного крестьянского банка граф расходовал значительные суммы на поддержку хозяйств бедных крестьян. Часть денег он выдавал безвозвратно (особенно тем, кто не ленился и пытался поправить свое материальное положение, поскольку с уважением относился к тяжелому крестьянскому труду), остальные деньги он выдавал в долг с рассрочкой. В имении постоянно велись масштабные строительные работы, поэтому значительные суммы тратились на оплату труда наемных рабочих.

Современники зафиксировали не один такой случай помощи, оказанной графом крестьянским хозяйствам. Когда в 1807 г. случился большой разлив рек, в результате чего у крестьян погибла значительная часть озимых и много скота, то Аракчеев распорядился за счет своих средств «покупать хлеб барками и раздавать всем крестьянам». Возвращение потраченных денег было отложено на три года, а многие крестьяне «по бедности» были от этого освобождены. И в другие неурожайные годы, во время эпидемий и эпизоотий граф всегда действовал в том же духе.

Подобные факты свидетельствуют, что утвердившееся в историографии мнение о скарденности А. А. Аракчеева надуманно и не соответствует действительности. Если и нельзя назвать его слишком щедрым, то человеком с чертами альтруизма в пределах собственных возможностей считать вполне возможно.

Анализ хозяйственной деятельности как крестьянского, так и господского секторов вотчины позволяет утверждать, что А. А. Аракчееву удалось создать достаточно рентабельное хозяйство, за счет чего были выполнены огромные строительные работы как в самой усадьбе, так и во всем имении. Именно в связи с этим возникает интересный вопрос, который требует дополнительных исследований. Дело в том, что после смерти А. А. Аракчеева в апреле 1834 г. специальной комиссией, созданной по инициативе императора для разбора бумаг покойного, на счетах последнего в различных банковских и кредитных учреждениях числилось больше 1,7 млн руб. ассигнациями [4, ф. 154, оп. 1, д. 684, л. 8, 9]. В последний год жизни он внес на содержание Новгородского кадетского корпуса 300 тыс. руб., заплатил за изготовление и установку памятника Александру I в своем имении 80 тыс. руб., завещал 50 тыс. руб. в качестве премии за лучшую научную историю жизни и деятельности Александра I, то есть его финансовое состояние следует оценить в пределах 2 млн руб.

Учитывая остаточные ежегодные суммы бюджета Грузинской вотчины, необходимо признать, что накопить такие суммы за весь

период государственной и хозяйственной деятельности Аракчеева было невозможно. Известно, что взятки граф не брал, больше того, он активно боролся с казнокрадством в армии. Откуда же такие огромные по тем временам суммы? Можно предположить, что единственным законным путем такого обогащения были банковские операции. Такую версию подтверждает значительное количество кредитных билетов, которые обнаружила комиссия в результате осмотра его бумаг.

В августе 1834 г. управляющий Грузинским имением уездный предводитель дворянства А. Д. Тырков известил Хозяйственный комитет Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса, что среди бумаг имеется

...билетов, которые хранятся в Казне Императорского Петербургского воспитательного дома, семьдесят на один миллион двадцать тысяч двести три рубля семьдесят две копейки. Два свидетельства о внесении в эту же казну трех тысяч рублей по двум билетам; билетов Государственного заемного банка четыре на сорок шесть тысяч рублей, билет Комиссии погашения долгов на девяносто шесть тысяч рублей... векселей пять на 55 тысяч рублей [4, ф. 154, оп. 1, д. 684, л. 8, 9].

Все эти факты свидетельствуют о том, что при всем своем политическом консерватизме А. А. Аракчеев не был консерватором или ретроградом в социально-экономической сфере жизни. В результате даже в условиях крепостничества ему удалось создать прибыльное рентабельное хозяйство и умело ориентироваться в товарно-денежных реалиях своего времени. Собственную роль помещика он усматривал не только в присвоении прибавочного общественного продукта, но и в опеке своих крепостных, что абсолютно коррелируется с идеей «полицейского государства», которая начала развиваться в России еще со времен Петра I. Неудивительно поэтому, что Аракчеев уделял пристальное внимание социальной защите своих крепостных. Другое дело, что способы, которыми она осуществлялась, не всегда были с точки зрения настоящего времени гуманными, но для своего времени абсолютно допустимыми. По мнению настоятеля Грузинского собора Андрея Первозванного протоиерея Ф. Малиновского, «...искусство же поправить вотчину со всех ее сторон заключалось в том, что с прекращением долгих, чаще летних празднований, больше обращалось внимания на домашние занятия и на благоустройство бедных» [6, с. 45].

Действительно Аракчеев достаточно сурово наказывал за проступки, даже за невыполнение норм гигиены и санитарии. Крестьянская ментальность начала XIX столетия с трудом воспринимала такую плотную опеку, тем не менее случаи бегства крестьян были очень редки. Как писал упомянутый неизвестный автор, нелегально посетивший имение многие крестьяне благодарно отзывались о графе. Сохранились воспоминания некоторых из них, записанные в 1850—60-х гг., то есть через много лет после смерти всемогущего временщика. Крестьяне называли время владения вотчиной А. А. Аракчеевым лучшим в сравнении с последующим периодом, когда они, получив свободу, не всегда могли удачно и правильно ею распорядиться. Но это уже сюжеты для другого исследования.

Список источников и литературы

1. Томсинов В. А. Временщик (А. А. Аракчеев). М., 1996.
2. Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.
3. Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
6. Малиновский Ф. Историческое описание села Грузина. М., 1816.
7. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. М., 1958. Т. 2.
8. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.
9. Яковкина Н. И. Организация помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX в. Л., 1983. С. 45—56.
10. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
11. Гуржій І. В. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861 р.). Київ., 1962.
12. Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Т. 1. С. 376—393.
13. Художественная Россия. Общедоступное описание нашего Отечества / под ред. П. Н. Полевого. СПб., 1884. Т. 1.
14. Богословский Н. Г. Аракчеевщина. СПб., 1882.
15. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ).
16. Алексей Андреевич Аракчеев в 1796—1797 гг. Его письма к брату Андрею Андреевичу // Русская старина. 1891. № 8. С. 404—407.
17. Шубинский С. Н. Сын Аракчеева // Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1899. № 3. С. 519—542.